

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории*

Во второй части статьи дается характеристика большевистского режима как инструмента контроля и репрессивно-карательных методов осуществления власти с помощью террора. Когнитивными причинами крушения большевистского режима автор считает революционный экстремизм.

Ключевые слова: коммунизм, большевизм, ленинизм, фанатизм, экстремизм, терроризм, революционное сознание, догма, конструктивизм, когнитивная история.

The second part of the article gives characteristics of the Bolshevik regime as an instrument of control and repressive-punitive method of the exercise of power. The author considers the revolutionary extremism as cognitive cause of the collapse of the Bolshevik regime.

Keywords: communism, bolshevism, leninism, fanaticism, extremism, terrorism, revolutionary spirit, dogma, constructivism, cognitive history.

Однопартийная диктатура как инструмент контроля и социальной дрессировки

Следствием разрушения механизма обратных связей между обществом и революционной элитой стала неспособность большевистского режима сформировать полноценные демократические институты власти. Для данного режима стало характерно, во-первых, отсутствие четкой правовой основы и контроля за юридическими параметрами функционирования (в отличие от большинства других авторитарных режимов межвоенной эпохи, включая “дуальное” государство нацистов) [Тоталитаризм... 1996], а именно: несоблюдение собственной конституции и законов как общий принцип, неясность юридических границ государственной, региональной и частной собственности, допустимых и недопустимых действий в административных вопросах; во-вторых, размывание четких рамок институциональных структур в результате постоянных изменений как формальных, так и неформальных правил игры; в-третьих, общий репрессивно-карательный ответ на все инициативы общества, не санкционированные политической властью (даже осуществлявшиеся в принятых идеологических рамках); в-четвертых, преобладание внеправовых и внесудебных методов решения споров в обществе (инсценировки судебных процессов, основанных на “революци-

* Окончание. Начало см. “Общественные науки и современность”. 2013. № 5.

онном правосознании”); в-пятых, террор как признак слабости институтов – постоянная необходимость поддержания единства командно-управленческой вертикали с помощью устрашения (“образ врага”), внешнего принуждения и мобилизации; в-шестых, общая непредсказуемость реакции власти на новые социальные вызовы [Timashev, 1925].

Образование гибридной формы партии-государства определило “пластичность” госаппарата управления, которая при постоянной подвижности социальной опоры большевизма выражалась в принципиальном отрицании доктрины и практики разделения властей по вертикали (федерализм) и горизонтали (партийные, советские и прочие государственные институты), быстрой смене учреждений; постоянном споре о компетенциях и их разделении, арбитром в котором выступают не правовые институты и нормы, а групповые интересы; отсутствии полноценных коммуникаций между Центром и регионами – эти коммуникации формируются на уровне идеологии, но не на уровне рутинных бюрократических процедур; существование параллельных и конкурирующих учреждений (советы–фабзавкомы–комбеды–ревкомы–ЧК); наделения одних и тех же учреждений разными функциями; неразделенности функций; имитационном характере социального контроля над администрацией, монополия которого принадлежала целиком партийным структурам и формирующемуся слою номенклатуры [Pethybridge, 1974; Keep, 1977; Service, 1979].

Признание бюрократии особым слоем советского общества, ставшее основным аргументом оппозиции, было абсолютно неприемлемо для идеологии однопартийного государства. Действительно, “научное исследование форм и путей развития демократии” оказывалось невозможно в однопартийной диктатуре¹. Категорически отвергнуты были выводы М. Острогорского, которые трактовались как «нападки на “партийный ошейник”», у критиков прослеживался явный намек на то, что “партия всегда права” [Капелюш, 1927, с. 96–98]. Сходным образом “железный закон олигархии” Р. Михельса объявлялся неприемлемым для партии большевиков, руководство которой якобы не подавляет инициативу масс, но “помогает развитию активности рядовых партийцев” [Сперанский, 1927, с. 96–98]. Пророчество О. Шпенглера о грядущей “социалистической монархии” объявлялось проявлением кризиса империализма [Деборин, 1922, с. 8–28].

Выход был найден в использовании различных эвфемизмов, смысл которых наполнялся на практике противоположным содержанием. Главный из них – “борьба с бюрократизмом” как процесс постепенной “демократизации”, включавший практику “приближения государственного аппарата к массам” и так называемого “оживления Советов” [Борьба... 1926, с. 5–6], “втягивания действительно широких масс в государственное строительство” [Брудный, 1927, с. 28]. Преодоление конфликтов во взаимодействии партийных, советских и мобилизационных органов осуществлялось внеконституционными способами – направлением эмиссаров ЦК. При этом действовала жесткая презумпция того, что распоряжения компартии должны безоговорочно проводиться в жизнь совфракциями [Рабинович, 2007]. Вопреки номинальному советскому праву, неэффективность государственных институтов компенсировалась их фактическим слиянием с институтами партийной диктатуры через пронизывающую все общество систему партийных ячеек; пересмотр соотношения декларативных и реальных функций учреждений и общественных организаций, оказавшихся под контролем номенклатуры; последовательное воспроизводство чрезвычайных методов управления, позволявших осуществлять постоянную корректировку декларируемых правовых норм с позиций “революционной целесообразности” [Политбюро... 2000].

Когнитивным следствием этого вектора стала дезориентация и неуверенность советских чиновников, отказ от рациональных стереотипов поведения, выражавшийся в преобладании неформальных практик: повышенной эмоциональности дебатов; идеологизации административных вопросов (вместо рутинизации); закреплении патрон-

¹ См. рецензию на книгу М. Острогорского (Революция права. 1928. № 1. С. 156–157).

клиентских отношений (вместо рациональных бюрократических отношений); общая неэффективность регулярных административных институтов и процедур; мобилиционно-военный характер стимулирования к деятельности. Закрытость, таинственность и непредсказуемость советского госаппарата – важная когнитивная особенность (тайна, конспирация, секретность, разделенная по уровням иерархии и доступа к информации). В этом смысле не институты порождают психологию формирующейся бюрократии, но именно эта психология определяет характер функционирования институтов. Так называемое “термидорианское перерождение режима”, о котором полемически писали Л. Троцкий и др. (см. [Кондратьева, 1993]), было, в сущности, процессом аккомодации – изменением внутренних когнитивных схем с тем, чтобы привести их в соответствие с изменяющимися знаниями об окружающей действительности – явлением социальной коррекции, направленным на сохранение гармонии внутри правящей группы с целью ее выживания в новой ситуации.

Когнитивный стиль большевизма изначально включал “манипулятивное влечение” – побуждение к манипуляции объектами (в качестве которых выступали институты, социальные группы и индивиды), постоянному совершению с ними каких-то действий и исследованию их с беспристрастным вниманием биолога для извлечения “пользы” в рамках поставленного эксперимента. Чрезвычайное положение, идеально соответствовавшее этому настроению “штурма”, оставалось нормой и реальной институциональной основой большевистского режима на всем протяжении его существования, как и нерешенность вопроса о политической преемственности и легитимных процедурах передачи власти и лидерства.

Култ В. Ленина как выражение крушения большевистского проекта социальных преобразований

По мере продвижения большевиков к установлению полного контроля над обществом становилась все более очевидной дисфункция большевизма по линии идеологии (растущая неопределенность перспектив коммунизма), обеспечения социальной поддержки (разрыв общества и власти), способности сконструировать эффективную административную систему (поддержание господства исключительно террористическими и полицейскими методами) и преодолеть раскол в собственных рядах (оппозиции). Преодоление кризиса легитимности было найдено в формировании и поддержании особого революционного мифа, центральный элемент которого составлял култ вождя.

Култ Ленина начал формироваться при его жизни, но получил наиболее четкие очертания в момент смерти. Специальный номер журнала “Под знаменем марксизма” формулировал основные идеологические постулаты данного культа. Сопоставляя Ленина с вождями других революций, М. Покровский указывал на его преимущество перед М. Робеспьером, недальновидность которого проявился в насильственном внедрении культа Верховного существа и неспособности избежать Термидора, и О. Кромвелем, верившим в Бога, мистиком и вообще “человеком отсталым”. Больше сходство с Лениным он усматривал в Ж. Кальвине – “этом догматике XVI в.”: “Во-первых, он создал для первой половины XVI в. боевую доктрину, своего рода протестантский ленинизм, боевую доктрину кальвинизма. Кроме того, любопытно его государственное построение. Оно очень напоминает построение нашего советского государства”. Действительно, в обоих случаях речь шла о государстве теократического типа, где идеологические институты контролируют политические и административные. Покровский доводит это сравнение до логического конца: “С одной стороны, учреждения гражданские, но они фактически подчинены учреждениям церковным – консистории и высшему церковному собору, которые легально никаких прав не имеют, но на практике руководят всем церковным управлением. Это очень напоминает нашу партийную систему. Политбюро, с одной стороны, и наша советская система – Совнарком и т.д. – с другой” [Покровский, 1924, с. 73]. Это, пожалуй, самое откровенное сравнение большевизма с религиозным культом в советской историографии. Другие,

описывая тот же феномен, использовали сходные понятия, например, “партийное жречество” и “капланократия” (Троцкий). Ленин соединял, таким образом, функции харизматического пророка (обоснование утопического идеала), политического реформатора (осуществление революционного переворота) и создателя нового государства (диктатуры пролетариата).

Однако ленинский культ носил квазирелигиозный характер. По форме и атрибутам поклонения он действительно напоминал все религиозные культы прошлого, начиная с Египта эпохи фараонов, но его легитимирующую основу составляло “научное” учение о законах истории, которые якобы получили воплощение в ленинизме. Ленин выступал не как религиозный пророк, но прежде всего как “воинствующий материалист” [Деборин, 1924, с. 18], теоретик и практик революции, которая “не может не закончиться победой коммунизма” [Ваганян, 1924, с. 34], создатель нового типа пролетарского государства в форме советской диктатуры [Луппол, 1924, с. 193] и партии, которая не может существовать без вождя такого типа, выступающего в виде особой “социальной функции” нового режима [Преображенский, 1924, с. 81]. Почти мистически воплощая фразу К. Маркса о калмыцкой крови, которой суждено обновить Европу, ленинизм вывел революцию за ее пределы – на всемирный уровень. Формула ленинизма, вопреки прогнозам Маркса, расшифровывалась как “крестьянская революция под руководством пролетариата” (1905 г.) или различные ее модификации в виде, например, “рабоче-крестьянской революции” (1917 г.), “демократической диктатуры пролетариата и крестьянства”, “революции пролетариата, ведущего за собой крестьянство” [Зиновьев, 1926, с. 20–21], представляя мобилизационную доктрину, использовавшуюся во многих аграрных революциях XX в. Соединение марксизма с яacobинско-бланкистской традицией “Народной воли” и бакунинско-ткачевскими идеями открывало перспективу революции в отсталых странах. Так возникал телеологический вывод о том, что ленинизм должен был появиться именно в России, “впитав в себя революционную ненависть отсталых народов к собственным деспотам и к хищническому европейскому Капиталу” [Горев, 1924, с. 91]. Идеологически ленинизм выполнял также цензурно-репрессивную функцию, определяя рамки официальной партийной линии и борьбы с различными оппозициями как проявлением “мелкобуржуазной революционности” с ее склонностью к “колебаниям, доктринерству и шатаниям” [Адоратский, 1928, с. 9].

Ленинизм как идеология большевизма не только давал теоретическое обоснование властных амбиций, но выполнял ряд важных когнитивных функций: предлагал “научную” теорию революции, легитимировал захват власти партией от имени революционных масс, обосновывал отказ от всех формальных институтов демократии во имя “революционной законности”, обеспечивал единство воли политического авангарда и безжалостное подавление всех политических конкурентов, наконец, выдвигал мобилизационный идеал реализованной социальной справедливости. В этом смысле ленинизм выступал для большевиков как результат дарвинистической конкуренции различных социалистических доктрин [Сафаров, 1925, с. 3]. Прогностическая функция ленинизма опротеетчиво усматривалась в научно обоснованном предвидении основного результата мирового кризиса, который “непреренно завершится победой пролетариата в международном масштабе” [Эпоха... 1926, с. 3].

Культ вообще есть тип религиозной организации с набором верований, ритуалов и фетишей как объектов слепого поклонения или почитания, но он включает приверженность конкретному индивиду, который считается проводником этих верований. В целом “культ Ленина весьма эффективно выполнял свою функцию по конструированию ценностных смыслов”, будучи выражением политической прагматики коммунистов. В то же время, «став непосредственным инструментом легитимации партийной политики, культ вождя в форме “ленинизма” в конечном счете способствовал утрате у большевистского руководства чувства реальности», а квазирелигиозный характер мифа делал его неустойчивым, ведя к “истощению убеждающей силы и репродуктивных возможностей культурного наследования, с чем мы и сталкиваемся на примере ленинского культа”, со временем утратившего свою “императивную мощь” [Эннкер, 2011, с. 393, 403].

Антропологическое измерение большевизма: революционное сознание и концепция личности

Направленная социальная инженерия предполагала мобилизационный тип интеграции как формы существования и экстремизм как основу культуры советского общества. Этот тип развития вел к сознательной селекции большевизмом людей с определенными психическими особенностями, выражающимися известным понятием “авторитарной личности”. Большевики, по мнению современников, выступали как особый формирующийся антропологический тип, возникший в условиях военно-партийной диктатуры. Принятая ими концепция “друга-врага” включает разработанную систему социальных маркеров, позволяющих разделить все общество на негативные группы (помещики, буржуазия, кулаки, духовенство, империалисты и их пособники, шпионы, заговорщики, офицерство, интеллигенция, оппортунисты), колеблющиеся группы (например, угнетенные народы, крестьяне-середняки, ремесленники) и позитивные группы (пролетариат, партийные работники, чекисты).

Принципиальное значение в этой идеологической картине мира приобретала способность различать “истинных” и “ложных” друзей народа (“сознательных”, “подлинных” борцов “за интересы и счастье трудового народа”) и мнимых – пособников (явных и скрытых) врага. Ложные или непоследовательные друзья народа могут оказаться врагами, так как маскируют свои подлинные убеждения. Способы отличить одни категории от других – не только взгляды или принадлежность к партиям, но и манера поведения, одежда, речь, готовность слепо выполнять меняющиеся указания партийных инстанций. Магическое мышление – убеждение, что мышление приравнивается к действию, – вело к появлению настоящей марксистской демонологии: целого направления исследований, направленных (подобно средневековому богословским трудам) на выявление реальных признаков идеологической “нечистой силы” – свойств и ухищрений возможных скрытых противников или уклонистов. Постоянная мобилизационная готовность к выявлению “подозрительных” (наподобие инквизиции) рассматривалась как свойство истинного большевика, а колебания в этом отношении определялись на партийном жаргоне как “двурушничество”.

Если цель большевизма – коммунистическая перестройка несовершенных социальных отношений, а основной метод – насилие (пролетариат как “атакующий класс”), то неизбежно противоречие целей и средств их достижения. “Неразрешимую моральную проблему большевизма” современники усматривали в том, что он “базируется на метафизическом допущении, будто из плохого может родиться хорошее”, что новый миропорядок может возникнуть путем использования “средств старого миропорядка, по праву ненавидимых и презираемых” [Лукач, 2008, с. 54–55]. Не случайно первый выпуск журнала “Борьба классов” открывался публикацией “Катехизиса революционера” С. Нечаева, основной идеей которого стало отрицание революционером традиционных моральных норм и заявление – “Нравственно для него все, что способствует торжеству революции” (тезис, повторявшийся Лениным) [Катехизис... 1924, с. 268]. Для большевизма вполне характерен поэтому фанатизм (“морально все, что служит коммунизму”); моральный релятивизм (“цель оправдывает средства”); политическая гибкость (готовность изменить тактику в 24 часа, если это необходимо для успеха); макиавеллизм и разработанная шкала коварства и двойных стандартов (например, использование лозунга “поражения своего правительства в империалистической войне” или немецких денег); маскировка истинных целей (например, создание “буферного государства” – Дальневосточной республики в 1920 г.); преторианский авантюризм, нашедший выражение в Октябрьском перевороте и роспуске Учредительного собрания и исходящий из того, что в помощь идеологическим принципам нужны тактические усилия. Именно “смелость, комбинирование тактических приемов, внезапность и решительность наступления боевых сил определяют судьбу восстания” [Петроградские... 1957, с. 417].

Когнитивное доминирование большевизма над обществом обеспечивалось тремя параметрами господства. Первый из них – непререкаемая догма (в переводе с греческого – “то, что кажется хорошим”) – стандартный набор норм и принципов, определяющих матрицу поведения. Второй – организация нового типа, через “бесчисленные ячейки и щупальцы” которой партия “держит в своих руках все нити государственно-го управления, и Красную армию и промышленность”. Третий – дисциплина – такое подчинение индивидуальной воли коллективной, при котором достигается тотальное единство воли и цели движения. “Мир, – заявляли большевики, – еще не видел партии, которая бы сумела создать такую мощную, стройную и разветвленную по всей стране организацию, которая бы обладала столь гибким аппаратом, которая бы могла так точно учесть и так полно использовать силы и способности каждого из своих членов, которая бы имела моральную силу ежедневно распоряжаться их жизнью и смертью” [РКП(б)... 1923, с. 12]. Психологический профиль большевизма, по наблюдениям современников (И. Ильина), включал такие характеристики, как фанатизм и догматизм (преобладание дедукции над индукцией), отказ от самостоятельного мышления (критической проверки символов веры), заимствование чужих идей в готовом виде (марксизм-ленинизм) вместо самостоятельного мышления, революционный максимализм, жестокость и культ насилия [Ильин, 1992, с. 169].

Поддержание единства трех параметров когнитивного доминирования – догмы, организации и дисциплины – было невозможно сколько-нибудь продолжительное время без особого эмоционального состояния, определявшегося как “революционная святость” – “революционное сознание”, или фанатизм. Фанатизм – способ преодолеть конфликт установочных стереотипов сознания и социальной реальности, описываемой в рациональных научных понятиях. В отличие от галлюцинаций и иллюзий, это состояние сознания определяется в современной психологии как бредовое – стойкое убеждение, которое невозможно разрушить, несмотря на любые аргументы, данные и опровержения. Систематизированные формы такого сознания (способные получить идеологическое освещение) отличаются от несистематизированных и могут выступать в различных формах – мании величия, ревности или преследования. В последнем случае возникает форма психического расстройства параноидального типа – мании преследования (представления о заговоре, шпионаже, клевете). Проявлениями психических неврозов и социальных девиаций в большевизме становились формы параноидального расстройства, антисоциального поведения, садизма, галлюцинации с грандиозным содержанием, объединявшиеся в литературе того времени выразительным понятием “политического сумасшествия” (*paranoia reformatoria s. politica*) [Крафт Эбинг, 1895, с. 165].

Экспессы большевиков, как и ранее якобинцев, “бешеных” и других экстремистских течений, в сильной степени объяснялись фрустрациями предшествующего времени и комплексом неполноценности – настроением масс, в действиях которых “чувствовалось желание отомстить за все пережитые унижения” [Бош, 1923, с. 65]. Все эти формы психических отклонений деятелей террористических организаций не обязательно квалифицируются как патология и шизофрения в узкомединском смысле (хотя присутствовало и это), но могут представлять собой определенные отклонения индивидуального и коллективного сознания в качестве реакции на внешние социальные воздействия – фрустрации (прежде всего, страх репрессий), а способом их преодоления становится агрессия в пассивной или активной форме. Агрессия большевиков выступает как эмоциональная реакция на фрустрацию и определяется (или, лучше сказать, идентифицируется) совокупностью определенных физических реакций, включая мимику, жесты, позы, отражаясь в стилистике пропаганды.

В большевизме представлена особая система норм поведения и санкций за их невыполнение (преступление и наказание, подвиг и награда); идеальным типом выступает фигура красного командира, который мог выполнять любые приказы без моральных колебаний; выстраиваются категории этих деятелей: “профессиональный революционер”, красный партизан, военный, сотрудник, чекист, секретный сотрудник

(“сексот”, в том числе малолетний). Все они дифференцируются по выполнению определенных профессионально-управленческих – контрольных и карательных – функций. Этим определяется широта тактических средств большевизма, в арсенале которых – подпольная деятельность, конспирация, террористические методы, сочетание легальных и нелегальных методов борьбы (внедрение агентуры в государственные учреждения, вскрытие писем и прослушивание телефонных разговоров, саботаж на железных дорогах, вербовка сторонников, передача денег, использование слухов, изготовление подложных документов, организация побегов заключенных и проч.), жесткая внутренняя дисциплина, спаянная круговой порукой, использование криминальных методов и соответствующих маргинальных элементов от “революционных матросов” до банды Г. Котовского или тех “бойцов-интернационалистов”, которых И. Бабель наблюдал в Первой Конной армии – сербов, мадьяр, китайцев и других авантюристов. “Коммунистическая организация жизни общества, – по словам современного исследователя, – вообще легко переходит в организацию, подобную гангстерской” [Зиновьев, 2003, с. 267]. И. Сталин резюмировал это следующим софизмом: большевики должны овладеть “всеми формами борьбы” и умело использовать те из них, “которые особенно целесообразны при данной обстановке” [Сталин, 1923, с. 15].

С позиций психиатрического анализа характер большевика (“волевика” – исполнителя исторической миссии) определялся в медицинской литературе того времени как характер не только нормального эпилептопатика, но “типичного психопата-эпилептоида” [Преступник... 1924, с. 60; Булатов, 1929, с. 58]. С этих позиций П. Сорокин искал прообразы представителей большевизма в альбомах преступных типов Ч. Ломброзо. Наблюдательный английский дипломат и разведчик Р. Локкарт предложил градацию психологических характеристик лидеров большевизма по степени их адекватности выполняемым функциям. Для него Ленин “безличен и почти бесчеловечен”: вождь, который “в своей вере в мировую революцию был беззастенчив и непреклонен, как иезуит”, причем “в его кодексе политической морали цель оправдывала все средства”; Троцкий – тщеславный индивидуалист, выглядевший как “воплощение революционера с буржуазной карикатуры”, который, несмотря на революционную риторику, “носит чистый мягкий воротничок, и его ногти тщательно наманикюрены”; Я. Свердлов – “современное воплощение испанского инквизитора”; Ф. Дзержинский – человек, никогда не моргавшие “глаза которого горели упорным огнем фанатизма”; К. Радек – “нечто среднее между профессором и бандитом”; Г. Чичерин – “мокрая крыса”; Л. Карахан – “Адонис большевистской партии”, который имел “прекрасные манеры” и “был великоленным знатоком сигар”; Н. Крыленко – “эпилептический дегенерат, будущий общественный прокурор и самый отталкивающий тип из всех, с кем мне когда-либо приходилось встречаться среди большевиков”. Замыкал эту галерею плотно сложенный молчаливый человек с бледным лицом, которого Локкарт даже “не считал значительной фигурой, чтобы включить в свою галерею большевистских портретов”: “Если бы кто-нибудь тогда провозгласил его собравшейся партии как преемника Ленина делегаты встретили бы это хохотом. Человек этот был грузин Джугашвили, известный ныне всему миру как Сталин, человек из стали” [Локкарт, 1991, с. 208, 219, 234–237, 272].

С позиций современной науки для понимания мотивации большевиков может использоваться понятие “главное решение” – психологический термин для обозначения формы невротического решения, согласно которому человек занимает себя интенсивной компульсивной деятельностью, чтобы уйти от тревоги и конфликта [Хорни, 1993]. В конечном счете, большевизмом была предложена своеобразная трактовка рационального выбора “наоборот”: использование вполне рационального (даже гиперрационального в применении к обществу) механизма принятия решений для достижения совершенно иррациональных целей (типа “коммунизма”, “мировой революции”, “братства воюющих народов”, создания “нового человека” и т.п.). Воплощение этого выбора – Ленин, согласно очень точному определению П. Струве, – “мыслящая гильотина”.

Когнитивные причины крушения большевистского проекта: ценности, цели и средства революционного экстремизма

Традиционное объяснение крушения большевистского проекта состоит, во-первых, в признании его утопического характера (масштаб декларируемых преобразований не соответствовал социально-экономическому уровню страны); во-вторых, неэффективности насильственных методов проведения этих преобразований (в целом отторгавшихся обществом); в-третьих, силой сопротивления традиционного аграрного общества предложенной стратегии модернизации. Когнитивный подход открывает другой вектор интерпретации, связанный с пониманием мотивации поведения самой революционной элиты и изменения этой мотивации под влиянием внешних и внутренних информационных импульсов. В рамках данного подхода принципиальное значение имеет выяснение меняющегося соотношения ценностей, целей и средств их осуществления.

Ключевое значение имеют две психологические установки, связанные с процессами направленного социального конструирования: “нарастание приближения” – термин, употребляемый психологами по отношению к усиливающемуся стремлению достичь положительной цели, и “нарастание избегания” – термин, обозначающий обратное состояние: стремление избежать отрицательной цели. Между этими конкурирующими установками существует определенная эмпирически выявленная взаимосвязь – стремление избежать отрицательной цели усиливается более быстрыми темпами, чем стремление достичь положительной цели по мере приближения к ней. Положительной целью большевизма, исходя из его программы, следует признать немедленное построение коммунистического общества в соответствии с теми критериями, которые были заданы изначально (на практике означали слияние власти и собственности и установление тотального государственного контроля над ее перераспределением и обществом). Отрицательной целью становилось, соответственно, все, что мешает реализации данного замысла, – частная собственность, общественный плюрализм, парламентаризм, культурное и идеологическое многообразие, существование независимых центров анализа и распространения информации, воспринимавшиеся как реальная угроза новому режиму.

По мере продвижения к первой (положительной) цели возрастал эффект “нарастания избегания” – опасения того, что позитивные цели движения не будут достигнуты из-за отторжения консервативной социальной среды или окажутся деформированы в результате сознательного сопротивления (со стороны “классовых врагов”, которыми последовательно выступали все основные слои общества – от буржуазии и крестьянства до самого пролетарского авангарда). На пересечении этих двух векторов движения формируется социальная дилемма – ситуация, в которой непосредственный результат или выигрыш для индивида (или группы) будет высоким, если этот индивид отступит от социальных правил (догм, принципов организации и дисциплины). Однако отступление от этих правил значительного числа людей уменьшает или делает невозможным предполагаемый позитивный конечный результат для всех. Большевистский режим в условиях роста сопротивления ему оказывался именно перед этой дилеммой – сохранения утопических положений своей программы (системы позитивных целей) или принятия компромиссов (уступок в отношении негативных целей). Выражением дилеммы становился конфликт идеологически детерминированной системы моральных предписаний и вытеснявших их прагматических установок, что вело к когнитивному тупику.

Когнитивная особенность большевизма как светского социального движения (в отличие от религиозного экстремизма) состояла в его неспособности к гибкому разрешению противоречия между догмой и социальной практикой: “научная” составляющая его идеологии не предполагала уступок по принципиальным (стратегическим) параметрам, а только тактические компромиссы с целью “маскировки” истинных целей. Большевизм оказался поэтому не способен предложить содержательное решение

ни одного из ключевых вопросов, связанных с преодолением эффекта “нарастания избегания” – разделить идеологию и знание (что вело к когнитивному тупику и самообману); реализовать свои мессианские цели в мировом масштабе; предложить полноценную формулу национальной интеграции (она оставалась внутренней противоречивой); добиться полноценной гражданской консолидации постреволюционного общества; создать стабильный правовой и экономический порядок и приближенную к рациональной систему государственного управления; выдвинуть адекватную формулу легитимации власти и лидерства. Тактический поворот в политике большевизма (переход от “военного коммунизма” к нэпу), связанный с осознанием этой дилеммы, привел к когнитивному диссонансу, выражением которого становилось не только противоречие внутренних идеологических установок, но и конфликт идеологии с внешним поведением.

Сохранение незыблемости ценностей и целей движения исключало гибкий подход к реализации задач практического управления в условиях постреволюционного переходного периода. Следствием становилось включение компенсаторного механизма постепенной подмены целей и средств их осуществления, определяемое понятием “когнитивного смещения”.

Когнитивное крушение (или “соскальзывание”) в большевизме выражалось в такой смене идеологических стереотипов, ассоциаций и установок (лозунгов), которая оказывалась нелогичной (с позиций программных целей) и происходила непредсказуемым образом. Поэтому объяснения эволюции большевизма, исходя из эрозии его программных установок, выглядят столь неубедительно. Фундаментальным фактором стал невротический комплекс большевизма – ощущение общей неадекватности, выражавшей совокупность вытесненных страхов, вызванных растущим ощущением неполноценности идеологических установок (коммунистического учения) и организационных принципов (однопартийная диктатура) в новых условиях (затухания “мировой революции”). Основными формами преодоления психологической дезориентации в большевизме становились, во-первых, торможение – ограничение групповой или индивидуальной свободы выражения мнений (кодификация и догматизация идеологических установок); во-вторых, вытеснение нежелательных эмоций, вызывающих чувства тревоги, страха или вины (партийная дисциплина); в-третьих, абрреакция – ослабление тревоги путем переосмысления первоначального опыта и нового самопрограммирования, связанного с ограничением свободы мысли (отказ от внутривнутрипартийной демократии); в-четвертых, аннулирование – процесс, в результате которого болезненные, вызывающие беспокойство идеи и образы нейтрализуются с помощью аутизма (мечтаний, фантазий и проч.); в-пятых, подавление – полное устранение (табуизация) нежелательных образов и воспоминаний доминирующей группой или индивидом (борьба с уклонистами и их физическое устранение).

Критическая фаза этого состояния – имплозия (психологический взрыв, направленный внутрь сознания), острый страх разрушения идентичности (выраженной предствлением о внешней или внутренней угрозе в виде “Термидора”), а психологический способ преодоления – компульсия, то есть поведение, мотивированное (скорее внутренними, чем внешними) факторами, которые вынуждают человека действовать против воли и вопреки рациональным аргументам. Выход из когнитивного тупика был найден в мифологизации (культ Ленина), фанатизме и терроре как форме преодоления пропасти между утопией и реальностью – идее максимизации контроля и подавления, ведущей к стагнации режима. В этом волюнтаристском подходе к конструированию реальности – сходство большевизма с различными экстремистскими идеологиями современности – от исламского фундаментализма до различных агрессивных форм анархо-синдикализма и современного “национал-большевизма”.

Экстремизм большевиков как способ достижения социального доминирования и самоутверждения был одновременно следствием страха и желания вызвать страх у других, добиться насильственного признания собственных идей и интересов. Поэтому формы его проявления были различны: агрессия направлялась не только на объекты,

представлявшие реальную или потенциальную угрозу большевизму, но и на объекты, которые такой угрозы не представляли. Результатом стал (в отличие от завершённых классических европейских революций) срыв гражданской консолидации как завершающей фазы революции и переход ее в новую фазу – репрессивных реформ сверху, не считавшихся с социальными издержками. Это открывало путь трансформации большевизма в сталинизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адоратский В.* Методология ленинизма и ревизия ее оппозицией // Коммунистическая революция. 1928. № 2.
- Борьба с бюрократизмом и оппозиция // Большевик. 1926. № 17.
- Бош Е.* Октябрьские дни в Киевской области // Пролетарская революция. 1923. № 11 (23).
- Брудный М.* О бюрократизме // Большевик. 1927. № 18.
- Булатов С.Я.* Возрождение Ломброзо в советской криминологии // Революция права. 1929.
- № 1.
- Ваганя В.* Величайший из мастеров революции // Под знаменем марксизма. 1924. № 1.
- Горев Б.* Российские корни ленинизма // Под знаменем марксизма. 1924. № 1.
- Деборин А.* Гибель Европы или торжество империализма? // Под знаменем марксизма. 1922.
- № 1.
- Деборин А.* Ленин – воинствующий материалист // Под знаменем марксизма. 1924. № 1.
- Зиновьев А.* Коммунизм как реальность. М., 2003.
- Зиновьев Г.* Ленинизм. Л., 1926.
- Ильин И.А.* Наши задачи. Париж–Москва, 1992.
- Капелюш Ф.* Демократия наизнанку // Большевик. 1927. № 21.
- Катехизис революционера (К истории “нечаевского” дела) // Борьба классов. 1924. № 1–2.
- Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М., 1993.
- Крафт Эбинг Р. фон.* Судебная психопатология. СПб., 1895.
- Локкарт Р.Г.Б.* История наизнанку. Мемуары британского агента. М., 1991.
- Лукач Г.* Большевизм как моральная проблема // *Лукач Г.* Ленин и классовая война. М., 2008.
- Луппол И.* Ленин как теоретик пролетарского государства // Под знаменем марксизма. 1924.
- № 1.
- Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957.
- Покровский М.* Ленин как тип революционного вождя // Под знаменем марксизма. 1924.
- № 2.
- Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б): повестки дня заседаний. Т. 1. 1919–1929. Каталог. М., 2000.
- Преображенский Е.* Ленин, партия, рабочий класс // Под знаменем марксизма. 1924. № 1.
- Преступник и преступность. Т. II. М., СПб., 1924.
- Рабинович А.* Большевики у власти. М., 2007.
- РКП(б) и революция (к двадцатилетнему юбилею партии). Передовая // Коммунистическая революция. 1923. № 6 (45).
- Сафаров Г.* Ленинизм как теория развития пролетарской революции. М., 1925.
- Сперанский Н.* Оппозиция, социал-демократия, партийный режим // Большевик. 1927.
- № 23–24.
- Сталин И.* К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов // Коммунистическая революция. 1923. № 7 (46).
- Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. М., 1993.
- Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.
- Эпоха Ленина // Большевик, 1926.
- Keep J.H.* The Russian Revolution: a Study in Mass Mobilisation. London, 1977.
- Pethybridge R.* The Social Prelude to Stalinism. London, 1974.
- Service R.* The Bolshevik Revolution in Russia, 1917–1922. New York, 1979.
- Timashev N.S.* Grundzuge der Sovietverfassung. Heidelberg, 1925.